

Иван Андреевич Третьяков

Иван Андреевич Третьяков (1735–1776) — российский ученый, юрист, экстраординарный профессор Московского университета, исследователь проблем правовой науки. Родился в Тверской губернии, окончил Тверскую духовную семинарию. После учебы в семинарии принят в Московский университет. Позднее переведен в Петербург, откуда, после подготовки в Академическом университете к поездке за границу, выехал вместе с С. Е. Десницким в 1761 г. в Глазго. Изучал там в университете философию и юриспруденцию, слушал курсы химии, математики, посещал лекции Адама Смита. По возвращении из заграничной командировки И. А. Третьяков был назначен экстраординарным профессором Московского университета с возложением обязанностей преподавать историю права. Это был первый профессор на юридическом факультете, который читал лекции на русском языке. В 1772 г. И. А. Третьяков опубликовал «Рассуждения о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов». В этой работе автор защищал право государства на вмешательство в экономическую сферу общества, а также критиковал крепостное право.

РАССУЖДЕНИЯ О ПРИЧИНАХ ИЗОБИЛИЯ И МЕДЛИТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ ГОСУДАРСТВ КАК У ДРЕВНИХ, ТАК И У НЫНЕШНИХ НАРОДОВ¹

К изобилию и обогащению государств, слушатели, принадлежат *дешевизна и довольство*, кои между собою друг от друга ничем не разнятся. Вода для того дешева, что мы ею изобильны, в местах безводных и часто в походах ее дорого покупают; драгоценные камни для того дороги, что их немного. Для показания самого ближайшего пути к достижению сих выгод требуется сперва знать, в чем состоит довольство. При вступлении к сему я должен показать естественные нужды рода человеческого, которые требуют исправления и в чем общее мнение различествует; а по крайней мере моего внимания изъясню причины.

...Здесь, слушатели, открывается пространнейшее и едва пределами объемлемое поле разных изобретений, произведенных сильным могуществом души человеческой. Ее качествами произведен ученый свет и все то, что ныне под именем слывет наук и художеств.

Сии плоды и произведения души человеческой, умножаясь постепенно, возросли до толикого величества, что наконец единому оных и разумом объять возможности не было. От сего последовало оное многочисленное разделение, какое примечаем в науках ныне и художествах. Польза сего разделения сколько важна для обогащения государств, о том и сомневаться не должно. Ибо по толикому разделению наук и художеств делается разделение и самих трудов

¹ Текст публикуется по: Рассуждения о причинах изобилия... / Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII в. — М., Т. I. 1952. С. 353–360.

человеческих; а разделением сих последних, как всякому небезызвестно, всякая вещь приводится в совершенство и с большою удобностию. В противном случае, если б такого разделения не было в трудах человеческих, никакой бы ремесленник своим трудом не токмо не разбогател, но ниже бы и довольное пропитание себе не мог снискать. Так, например, если бы часовой мастер или фабрикант последней вещи, иглы, один собою все принадлежавшее до совершенства таких и подобных сему вещей сам отправлял, то он едва бы в состоянии был сдавать в год одни часы, а в день одну иглу, когда, в противном случае, через разделение трудов на разные руки множество таких вещей в один день совершается и достается дешевле обществу.

Таким образом, показав сии две настоящие государственного обогащения причины, то есть разделение трудов и изобретение художеств, к другим приступаю.

Сколь выгодно, слушатели, учреждение банков для коммерции, которая также обогащает всякое государство, и сколь счастливое за собою ведет следствие, цветущее состояние Англии, Голландии и других премногих областей доказывает очевидно.

Многие писатели политические вооружились опровергать сие преположенное учреждение, поставляя, что *подрыв банков вреден и что государственное сокровище состоит во множестве сребра и злата*; однако Англия находит, что их подрыв не столь вреден, как обыкновенно воображали некоторые. Убыток, правда, понести могут, но немногие, ибо количество ходячей монеты в пропорции всего стяжания и богатства, кои народ в домах содержит, весьма маловажно, да и богатству целого государства от того важного ущерба не причиняется, потому что и самая часть сокровища государственного не состоит в злате и серебре; деньги к изобилию целого государства пропорции не имеют. Итак, ущерб того не столько страшен, как обыкновенно представляют писатели. Есть средство, и только одно, к отвращению худых следствий, происходящих от подрыва банков, и оно состоит в том, чтобы не позволять пользоваться банками одному, но ободрять умножение оных сколько возможно. Где банков много, там вселяется ревность, которая беспрестанно нечаяемо и неожиданно переносит аглинские ассигнации и в тот банк и другой, почему банкосодержатели остерегаются и принуждены предусматривать, как бы по принесении ассигнаций немедленно и безотговорно наличною монетою в том соответствовать.

Что до другого возражения принадлежит, то есть что государственное богатство заключается во множестве злата и сребра, заблуждение оное примечанием можно изъяснить следующим. Человеческое трудолюбие есть такое средство, которое и имущество и деньги усугубляет, хотя не всегда в одинаковой пропорции. Стяжание человеческое всегда и неусыпно стремится и готово свой труд приложить к тому, что есть предмет желаний и прихотей человеческих; и дела столько умножены могут быть, сколько человеческая сила в состоянии к тому приложить труда. Хлеба и подобных сему припасов всегда и большим изобилием иметь можно, нежели достать злата, сребра, драгоценных камней и проч., ибо одно в ближайшем находится достижении для человеческого трудолюбия, нежели другое. Почти всякую часть земной поверхности можно привести к тому, чтоб производила хлеб, лен и проч., но злато лежит сокровенно

в земных недрах, и к получению малого количества его требуется много времени, труда и иждивения.

Для сих причин монета никогда не доходит до такого количества, до каких умножаются другие вещи. И, следовательно, деньги становятся дороже или дешевле по рассмотрению, сколько какое государство трудолюбивее.

У народов невежественных деньги ужасно цену имеют высоку. Причиною тому есть то, что у них денег других не находится, кроме тех, кои могут достать грабежом; ибо знания нужного, как их ввезть в свое отечество, они не имеют. От сего-то и происходит, что у них и цена высока. Но когда какая земля приходит до некоторой степени знания в науках, цена монеты ниспадает. Тогда-то уже люди начинают проникать в земные недра, доставать руды и преобразовать из них некоторые в монету.

Со времен падения Римской империи до обретения Западной Индии монеты цена чрезмерно была высока и непрерывно возвышалась, потом чувствительно ниспадала.

Мнение о богатстве и государственном изобилии, состоящем в одних деньгах, поелику неосновательное, подало причину в некоторых государствах, а особливо в Англии, ко многим о том прениям. Из многих о некоторых здесь предложу.

Не что другое, как предрассуждение сему причинею, что вывоз монеты вне государства там запрещен. Такое запрещение чрезмерно вредно той земле, ибо, в каком бы государстве ни находилась какая часть денег сверх обращения, почитать ту должно точно за мертвое сокровище, в земле сохраненное.

Сие-то запрещение главнейшею причинею убожества было в Испании. Когда испанцы завладели рудокопными заводами мексиканскими, количество золота и серебра у них чрезмерно умножилось, ибо сии драгоценные металлы оставались у них без всякого употребления. Между тем иностранные цену своих товаров возвысили и тем самым испанцев принудили покупать вдвое и втрое те вещи, в коих они недостаток претерпевали. И от сего они мало-помалу начали приходить в чувствительный упадок.

Бедность страны никогда не произойдет от торгов с иностранцами, только бы оные управляемы были с осторожностью и благоразумием. Причины суть тому другие и те же самые, которые всякого приводят в убожество. Человек, если издерживает больше, нежели снискивает трудом, должен обнищать; равным образом в стране, когда она больше издерживает, нежели производит трудами внутри, а купечеством извне, нищета следует неизбежно.

Причины, кои препятствовали обществам достигнуть до такого цветущего состояния, в каком находятся нынешние государства, были или натуральные препятствия, или различные обстоятельства политические.

В первоначальном гражданстве разделение трудов и могло быть известным. Чрез долгое время люди, упражняясь в работе разных дел, едва могли доставить себе пропитание. Прежде нежели труд разделен быть мог, потребно было иметь избыток вещей. Недостаточный ремесленник без сего средства не может и приступить к заведению фабрик и мануфактур, ибо прежде, нежели человек сделается земледельцем, необходимость требует запастись ему по крайней мере на год съестными припасами, потому что он не прежде пожинает плоды

своего труда, как по окончании лета. Вследствие сего во всяком непросвещенном обществе не может никто оставить обыкновенного ремесла, которым занят и которое подает ежедневное пропитание, доколе он не снабдит себя потребностями так, чтобы оставалось и впредь на содержание себя и для начатия нового ремесла. Притом всякому небезызвестно, сколь трудно и в совершеннейшем состоянии народов снискать себе умеренный достаток. И ежели сие с толиким затруднением соединено в возвышенном состоянии рода человеческого, то несравненно с большим трудом и самая дневная пища снискиваема была при начинающемся обществе народов, которые, не имея заготовленного впредь, едва только в состоянии были плодами своих трудов из году в год пропитание иметь.

По сей причине и неудивительно, что такие народы везде долго закоснели в скудном состоянии. В нынешние просвещеннейшие веки и последний земледелец несравненно большими пользуется выгодами, нежели народы, рассыпанные по степям, без утвержденных жилищ кочующие. Такой, будучи снабжен и простыми орудиями, несравненно с большим успехом и с большею удобностию отправляет свои дела, нежели другой, не достигший до его состояния человек.

Другая тому поставляемая причина зависела от обстоятельств гражданских. Во всяком первоначальном гражданстве правительство примечается весьма слабым и не имеющим довольной власти к восстановлению благоучреждений в обществе, и потому оно не могло покровительствовать, ниже ободрять, а менее еще защищать оное от наглости и похищений соседних народов, ибо такие благоучреждения в правительстве производятся сильным могуществом и множеством веков совершаются.

В таких обстоятельствах между прочими многоразличными художниками и земледельцы, не имея от правительства надлежащего защищения и ободрения, делаются нерадивыми и неспособными к произведению обильных плодов своими трудами. От сего також обстоятельства часто рождается повсеместная в народе унылость духа и великое отвращение от трудолюбия: праздность на место ревностных подвигов больше в народе вселяется, от которой рождается большее число тунеядцев, толь вредных обществу и не токмо не служащих подпорю государства, но более еще отягощающих оное и съедающих и последние плоды трудящихся немногих.

Но когда правительство и возымело довольную власть и силу к утверждению своего величества и к восстановлению благоучреждений внутренних, однако еще не в состоянии было защитить свои пределы от внешних нападений окрестных народов, которые в варварские веки своим завоеванием ужасные везде причиняли разорения. Нынешнее в европейских державах наблюдаемое равновесие, *balance de pouvoir*, тогдашним народам совсем не было известно; и потому победители, состав наподобие ветренной бури и овладев побежденными, земли их опустошали и самих их вконец разоряли. Доказательством сего суть арапы и другие премногие варварские народы, которые многочисленными ордами, не будучи другими державами от толикой наглости и свирепства воспрещаемы, другие земли вконец истребили. Кратко сказать: в тогдашние вре-

мена и при таких правления обстоятельствах едина война не меньше зла причиняла, как и оные два главные наказания Божие, то есть глад и мор.

Нередко также бывает препятственным обогащению государств и народный вкус, происходящий от особливых обстоятельств. Как, например, у римлян художества и другие упражнения, необходимо нужные к благоденствию отечества, оставлены были единственно для того, чтоб их стремление было больше к военному упражнению. Ибо в таких обстоятельствах, что большая часть народа за лестное и величественное признает, к тому и все свои желания обращают, оставя другие премногие, не меньше ж полезные для отечества упражнения, яко подлые и их внимания недостойные.

По сей причине у римского народа земледелие оставлено было в великом небрежении. Клавдий и Калигула воинам своим отдавали земли за ничто, на тот конец, чтобы те оные обрабатывали. А как солдат, по своему воспитанию, к такому делу совсем не сроден, того ради чувствительных успехов в его земледелии не оказалось.

Сии суть причины, препятствующие скорому обогащению государства.